

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В 1950-х гг.
(На материалах Карелии)

На материалах Карелии рассмотрены проблемы женской занятости в 1950-х гг., выявлены причины значительного числа неработающих женщин, показаны пути и методы их вовлечения в общественное производство. Выделены факторы, влиявшие на процесс трансформации профессиональной занятости женщин. Особое внимание уделено мерам государства по обеспечению населения детскими садами и яслями, организации свободного времени детей и подростков, улучшению бытового обслуживания, медицинской помощи матери и ребенку. Подчеркивается, что наряду со значительным расширением сферы женского труда в республике сохранялись высокая загруженность женщин домашним хозяйством, дефицит у них свободного времени, более низкие, чем у мужчин, показатели дохода и престижа.

Ключевые слова: женская занятость, гендерная политика, помощь матери и ребенку.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.8

*L. I. Vavulinskaya. The problem of female employment
in the 1950s (A case study of Karelia)*

Based on archival materials, the article considers the problems of women's employment in Karelia in the 1950s, pinpoints the causes of the multitude of non-working women, describes the ways and methods used to involve them in public production. It is noted that the party organizations regarded the public employment issue to be of political significance, putting it in opposition to the private-property mindset of those engaged in subsistence farming. Identified were the challenges encountered when dealing with employment issues in the Republic, associated with the narrow economic profile of forest villages, the numerousness of settlements with meager population in rural areas. The factors that influenced the process of transformation of the professional employment of women are outlined. Special attention is paid to the measures taken by the government to provide people with kindergartens and infant daycare centers, to organize children's and teenagers' leisure time, to improve services to households, medical care for mothers and children. Significant differences between the living and working conditions of women in urban and rural areas are highlighted. It is

Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 82—90

© Вавулинская Л. И., 2016

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН по теме «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи» (№ 0225-2014-0012).

Вавулинская Людмила Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия, ludvav@mail.ru (Cand. Sc., Senior Researcher at the Department of Ontology, Epistemology and Social Philosophy, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia).

emphasized that along with a significant growth of women's labour in the Republic, women remained overloaded with household chores, lacked free time, were paid less and held less prestigious jobs than men.

Key words: female employment, gender policies, assistance to mother and child.

В последнее десятилетие усилилось внимание исследователей к гендерным проблемам, в частности принципам гендерной политики на разных этапах социалистического строительства, способам вовлечения женщин в трудовую и общественную деятельность, государственному регулированию семьи, формированию и изменению официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность (см., напр.: [Здравомыслова, Темкина, 2007; Колесникова, Маслова, 2014; Лавриновская, 2011; Мищенко, 2012; Пушкарева, 2002; Хасбулатова, 2005; Черевако, 2010]). Значительный научный интерес представляет изучение вопросов вовлечения женщин в общественное производство в 1950-х гг., когда, несмотря на тяжелые последствия войны, Советское государство принимало меры по созданию условий для расширения сферы женского труда, оказанию помощи работающим матерям.

Задача широкого вовлечения женщин в производство диктовалась в первую очередь острым недостатком кадров рабочих и специалистов. В 1950-х гг. в Карелию в массовом порядке прибывало население из других областей и республик СССР в результате организованного набора, промышленного и сельскохозяйственного переселения. Однако из-за бытовой неустроенности, суровых климатических условий значительная часть переселенцев возвращалась на прежнее место жительства. Между тем на цели перераспределения трудовых ресурсов расходовались существенные средства. Кроме того, прием переселенцев требовал обеспечения их жильем. В республике же, две трети территории которой были оккупированы в годы войны, эта задача была трудноразрешимой.

За время войны демографический состав населения республики подвергся коренным изменениям. В 1949 г. на 100 работающих в сельском хозяйстве, по данным похозяйственных книг, приходилось 65 женщин и 35 мужчин [Клементьев, Кожанов, 1988: 78]. Как показали материалы единовременного учета сельского населения Карелии по состоянию на 1 января 1950 г., значительная часть сельчан не участвовала в общественно полезном труде. Только по группе хозяйств рабочих и служащих и кооперированных кустарей не работали на государственных и кооперативных предприятиях 15 489 человек в возрасте 16—54 лет, или 22,4 %, в том числе 2725 мужчин (17,6 %) и 12 764 женщин (82,4 %). В ряде районов эти цифры оказались выше: к примеру, в Кемском районе не работали 31,3 % человек, Олонецком — 31,2 %, а доля неработающих женщин по сравнению с мужчинами в некоторых районах доходила до 88—97 % [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 4050, л. 1—2].

Для определения причин незанятости населения в государственных и кооперативных организациях в 32 сельсоветах республики были проведены проверки. Они показали, что в подавляющем большинстве случаев к числу неработающего населения относились женщины, имевшие малолетних детей, а также женщины, находившиеся на иждивении мужей или занимавшиеся ведением приусадебного хозяйства. Так, в Уросозерском сельсовете Сегозерского района

числилось 192 неработающих в возрасте 16—54 лет, из них 108 женщин (56,25 %), имеющих детей, 40 женщин (20,8 %), не имеющих детей и занятых в своем хозяйстве. При этом значительная доля иждивенцев приходилась на жен работников лесопункта, часть которых были обеспечены материально, а часть не могли работать из-за отсутствия в сельсовете детских учреждений. В трех сельсоветах Беломорского района 97—100 % неработающих составляли женщины, имевшие или не имевшие детей. В большинстве случаев они вели свое хозяйство, содержали земельный участок, скот, покос, занимались рыболовством, продавали молоко [там же, д. 3966, л. 152—153].

При этом многие из неработающих женщин имели востребованные профессии. В Матросском сельсовете Пряжинского района, к примеру, в числе неработающих жен офицерского состава (51 человек, или 22 %) были педагоги с высшим образованием, зоотехник, медсестра, акушерка, фельдшер, телеграфистка, машинистка, химик-лаборант, фармацевт, агроном, наборщица, шофер, экономист, плановик и др.

В справке начальника Статистического управления Карело-Финской ССР по результатам проверки трудовых резервов, имевшихся в республике, в качестве важнейших мер по вовлечению населения в производство предлагалось развивать сеть детских учреждений, трудоустроить неработающих инвалидов, привлечь проживающих на нетрудовые доходы лиц к государственным налогам, организовать в рабочих поселках кустарно-промысловые артели и др. [там же, л. 159].

Результаты проверки были обсуждены на заседании ЦК Компартии республики 25 мая 1950 г., где особо отмечалось, что «ЦК КП(б) считает нетерпимым такое положение, когда в республике из-за недостатка рабочей силы проводится переселение, в то же время значительное количество местного населения не вовлечено в работу на предприятиях, учреждениях, колхозах и совхозах». ЦК КП(б) придавал вопросу занятости населения политическое значение, подчеркнув, что большая часть «населения из состава семей рабочих и служащих сельской местности, не работая нигде, раздувает личное хозяйство. Занимаясь различными промыслами, имея значительное количество скота, приусадебной земли, в ряде случаев допускает нарушение Устава сельскохозяйственной артели, культивирует частнособственнические тенденции, тем самым разлагающе действует на колхозников». ЦК КП(б) указал на необходимость повести борьбу с частнособственническими тенденциями отдельных хозяйств, прикрывающихся работой в государственных и кооперативных организациях [там же, л. 115—116].

Для вовлечения населения в трудовую деятельность были использованы различные методы: массовая агитация через партийные и профсоюзные органы, средства информации и различные направления художественной культуры; создание на предприятиях условий для повышения квалификационного разряда женщин, получения ими второй профессии, совмещения учебы и работы. На предприятия Министерства промышленности строительных материалов республики в 1950 г. было принято 260 женщин, обучено на производстве разным профессиям 76 человек, повысили квалификацию 52 женщины. При предприятиях действовали четыре детских сада, которые посещали 80 детей, и двое детских яслей на 70 мест [там же, д. 5048, л. 14]. Министерство лесной промышленности республики в марте 1951 г. приняло решение об обучении бракеров,

приемщиков, бухгалтеров, работников торговли преимущественно из числа женщин и о направлении на учебу до 50 % женщин при отборе кандидатов на курсы электромехаников передвижных электростанций. Всего по министерству предусматривалось обучить в 1951 г. 320 бракеров и приемщиков, 100 бухгалтеров, 100 продавцов, 70 поваров, 40 пекарей [там же, л. 26].

Однако интеграция женщин в промышленное производство была сопряжена с целым рядом проблем и требовала решения таких неотложных вопросов, как обеспечение детскими садами и яслями, организация свободного времени детей и подростков, улучшение бытового обслуживания населения.

Во многих населенных пунктах республики не было ни детских садов, ни яслей. Так, в лесном поселке Восточный Идель с населением более тысячи человек не было детского сада. Из четырех лесоучастков Суоярвского леспромхоза детские ясли на 25 мест имелись лишь на одном [Клементьев, Кожанов, 1988: 161]. В д. Сямозеро имелся детский сад, но посещаемость его была очень низкой — от 2 до 7 детей, что объяснялось неудобным местонахождением этого учреждения. В то же время в Сямозерском сельсовете насчитывалось 70 неработающих в трудоспособном возрасте, в основном это были домашние хозяйки, имевшие детей [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 3966, л. 155].

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 18 мая 1949 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы» местные органы власти обязаны были начиная с 1950 г. предусматривать в планах капитальных работ по строительству крупных жилых домов или групп домов выделение не менее 5 % от всей строящейся площади для размещения детских яслей и садов [там же, д. 5048, л. 25]. Однако планы по строительству детских учреждений в республике систематически не выполнялись. В сельской местности республики в начале 1956 г. насчитывалось более 54 тыс. детей в возрасте до 6 лет включительно, а охвачено детскими учреждениями было только около 7 тыс., т. е. 13 %. Кроме того, из 32 836 детей в возрасте 7—15 лет, проживавших в сельской местности, не посещали школу 1506 (4,6 %) [НА РК, ф. Р-1411, оп. 8, д. 22/96, л. 64—65].

В 1959 г. число мест в постоянных детских яслях увеличилось по сравнению с 1945 г. в 2,4 раза, в детских садах — в 2 раза. При этом строительство детских учреждений велось в основном в городах: если число мест в яслях в городской местности выросло за это время в 3 раза, то в сельской — в 1,9 раза, а число мест в детских садах увеличилось здесь лишь на 422, или на 6 % [40 лет Карельской АССР, 1960: 90]. Несмотря на то что в послевоенный период на восстановление и расширение сети детских яслей в республике были затрачены значительные капитальные вложения, общее количество мест в яслях еще не достигло даже довоенного уровня: если в 1940 г. на каждые 100 детей ясельного возраста приходилось 22 места, то в декабре 1958 г. — 16 [НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 76/442, л. 87].

В целях оказания помощи женщинам-матерям, работавшим на предприятиях и в учреждениях республики, в школах городов и рабочих поселков создавались группы продленного дня для учащихся 1—4-х классов. Для работы с детьми в этих группах в штаты школ вводилась дополнительно должность педагога-воспитателя из расчета один педагог на 25—40 учащихся [там же, д. 7144,

л. 25]. Особое внимание уделялось созданию в республике сети школ-интернатов. Постановлением Совета министров КФССР и бюро ЦК КП от 21 июня 1956 г. предусматривалось открыть в 1956—1960 гг. 40 школ-интернатов на 14 750 мест [НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 538/2701, л. 187—192].

Важным аспектом государственной политики, направленной на вовлечение женщин в общественное производство, являлась организация свободного времени детей и подростков, профилактика преступности. К этому делу активно привлекались школа, комсомольские, профсоюзные организации. В большинстве профсоюзных организаций были созданы комиссии по работе среди детей, детские технические и музыкальные кружки, кружки юных натуралистов, организованы детские киносеансы. В некоторых профсоюзных библиотеках оформляли специальные полки детской литературы, проводили детские читательские конференции. Ряд фабрично-заводских местных комитетов установили связь со школами, контролировали посещаемость занятий и успеваемость детей. Профсоюзные организации оказывали материальную помощь низкооплачиваемым родителям, матерям-одиночкам, детям погибших воинов. В период летних каникул действовала сеть пионерских лагерей [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 5323, л. 191—192].

Совмещение женщинами работы на производстве с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей потребовало усиления внимания к развитию сферы быта. С 1950-го по первую половину 1954 г. в системе промышленной кооперации, единственной в республике организации, осуществлявшей в то время бытовое обслуживание населения, открылось 38 портновских мастерских, 21 парикмахерская, 6 фотоателье, значительную часть работников которых составили женщины [там же, д. 6172, л. 3—4]. Однако сельская местность значительно уступала городской по уровню бытового обслуживания. Бытовые мастерские в 1953 г. имелись лишь в 36 из 130 лесных поселков, где проектами предусматривалось их строительство. Жители небольших селений испытывали постоянные трудности в приобретении самых необходимых продуктов питания, в том числе хлеба. В небольших деревнях в конце 1950-х гг. и позже продолжали выпекать хлеб дома. В 1961 г. общественное питание было организовано лишь в 29 из 46 совхозов республики. Реализация услуг на одного сельского жителя в 1960 г. составляла немногим более 1/5 объема услуг, оказываемых городскому жителю [Клементьев, Кожанов, 1988: 160—162].

Недостаточной оставалась обеспеченность торговыми учреждениями, несмотря на то что за 1953—1960 гг. в республике было введено 928 торговых предприятий [Карельская АССР за 50 лет, 1967: 114].

В 1950-х гг. расширилась медицинская помощь матери и ребенку. Увеличилась численность родильных домов, женских и детских консультаций, были приняты важные решения по социальной поддержке материнства и детства. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 13 октября 1956 г. руководители предприятий, организаций и учреждений обязаны были предоставлять женщинам по их просьбе после окончания отпуска по беременности и родам дополнительный отпуск на срок до трех месяцев без сохранения заработной платы, а также сохранять за женщинами, оставившими работу в связи с рождением ребенка, непрерывный трудовой стаж, если они поступили на работу не позднее одного года со дня рождения ребенка, без включения в этих случаях

в трудовой стаж времени перерыва в работе. Директорам предприятий было рекомендовано бесплатно выдавать материально нуждающимся беременным женщинам путевки в санатории и дома отдыха за счет фонда предприятия [НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 7144, л. 25—28].

Целенаправленная политика государства по вовлечению женщин в производство в 1950-х гг. привела к значительному расширению сферы женского труда в республике. За 1950—1960 гг. число женщин в общей численности рабочих и служащих в народном хозяйстве республики выросло с 48 до 51 % [40 лет Карельской АССР, 1960: 63; Народное хозяйство Карельской АССР, 1985: 54—55]. Однако, как и в целом по стране, женщины отставали от мужчин в квалификационном уровне, были сконцентрированы на менее престижных и низкооплачиваемых работах. Наблюдалось явное несоответствие высокого уровня образования и занятости женщин их небольшой доле среди руководителей.

Распределение женщин по профессиям в конце 1950-х гг. показало некоторое снижение доли индустриального труда в составе женской рабочей силы по сравнению с 1950 г.: в сфере промышленности — с 44,4 до 43 %, в строительстве — с 37 до 34 %. В то же время расширилось участие женщин в традиционных сферах занятости. Особенно заметным этот рост был в просвещении (с 81 до 85 %), общественном питании (с 91 до 94 %). В ряде отраслей женщины составляли подавляющее большинство работающих: в общественном питании — 94 %, здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении — 93 %, торговле — 89 %, народном образовании и культуре — 85 %, кредитовании и государственном страховании — 80 %. Возросло количество женщин в органах государственного и хозяйственного управления и органах управления кооперативных и общественных организаций (с 60 до 64 %) [40 лет Карельской АССР, 1960: 63; Народное хозяйство Карельской АССР, 1985: 54—55].

Общая демографическая ситуация, связанная с высоким удельным весом женщин в составе населения Карелии (54,4 % по переписи 1959 г.), обусловила их высокий процент в составе специалистов с высшим (74 %) и средним специальным образованием (60 %). Значителен был удельный вес женщин среди инженеров, техников, научных работников (от 31 до 56,6 %). Таким образом, отмечалась тенденция к феминизации интеллектуального труда [Бархатова, 1990: 16].

Сугубо женским занятием в 1950-х гг. являлась работа на своих приусадебных участках. Общая численность членов семей рабочих, служащих и колхозников в трудоспособном возрасте, занятых подсобным сельским хозяйством, в 1959 г. составила 2,5 тыс. человек, из которых 500 проживали в городских поселениях и 2 тыс. — в сельской местности. Из общего числа лиц этой группы мужчин насчитывалось всего 56 человек. Среди работавших на приусадебных участках преобладали граждане в возрасте 30—49 лет, лица в возрасте 20—29 лет составляли 15 %, а 50 лет и старше — 19,6 % [НА РК, ф. Р-659, оп. 14, д. 1/3, л. 14].

Трудоспособное население, занятое в домашнем и личном подсобном хозяйстве, в конце 1950-х гг. по-прежнему оставалось крупным резервом увеличения численности работающих в народном хозяйстве КАСР. По переписи 1959 г. оно составляло 48,7 тыс. человек, или 12,5 % населения в трудоспособном возрасте. В подавляющем большинстве это были женщины (около 97 %), из которых более 2/3 имели детей в возрасте до 14 лет [Покровская, 1978: 178].

Преобладающая часть возможных резервов рабочей силы проживала в городских поселениях.

Незанятость женщин в общественном производстве не поддается объяснению одной лишь причиной — наличием несовершеннолетних детей, так как, по материалам переписи 1959 г., из общего числа 42,2 тыс. женщин-иждивенцев* почти 1/3 не имела детей до 14 лет, а 14 % имели детей в возрасте от 7 до 14 лет. Существенным фактором незанятости женщин являлась специфика расселения в республике, характеризующаяся наличием в сельской местности большого количества населенных пунктов с мизерной численностью населения. Например, в Медвежьегорском районе из 367 населенных пунктов в 99 насчитывалось всего до 10 жителей, что затрудняло организацию производственного, жилищного и культурно-бытового строительства [НА РК, ф. Р-659, оп. 12, д. 7/28, л. 7—9]. Кроме того, однобокая специализация хозяйства в лесных поселках ограничивала возможности применения женского труда. К тому же не все неработающие и неучащиеся в трудоспособном возрасте выражали желание работать в общественном производстве.

Среди женщин-иждивенцев почти 14 % составляли лица в возрасте 50—54 лет, при этом свыше 33 % из них не имели детей дошкольного и школьного возраста [там же, оп. 14, д. 1/3, л. 12—13]. Возможной причиной незанятости этой возрастной категории женщин являлся уход за престарелыми родителями и внуками.

Исследователи, занимающиеся проблемами занятости женщин, справедливо отмечают у них более низкие, чем у мужчин, показатели дохода и престижа [Колесникова, Маслова, 2014]. Комендант поселка Кинелахта Д. М. Ковалёва вспоминала: «Женщины поселка (молодые и здоровые) в основном работают сучкорубами, либо в конторе и хозяйственных учреждениях поселка (в пекарне, столовой, в детском саду, в детских яслях), или в подсобном хозяйстве. Многие из женщин работают на дороге... на подсобных хозяйственных работах в поселке: на распиловке дров, уборке мусора, подвозе воды и т. д. Ставки здесь очень низкие, например, за 1 куб. м платят 70 коп.» [Архив КНЦ РАН, ф. 1, оп. 29, д. 404, л. 4 об., 5].

В отраслях с преимущественно женской занятостью — легкой, пищевой промышленности, образовании, здравоохранении — заработная плата была существенно ниже, чем в тяжелой промышленности, на строительном-монтажных работах, на транспорте. Так, если в начале 1961 г. среднемесячная зарплата в промышленности составляла 112,5 руб., в строительстве — 101,3 руб., то в общеобразовательных школах и учреждениях по воспитанию детей — 65,9 руб., в учреждениях здравоохранения, физкультуры, спорта и социального обеспечения — 56,6 руб., в торговле — 56,3 руб., в общественном питании — 49,1 руб. [НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 192/1020, л. 221—222]. В пользу мужчин сложилась и должностная иерархия, а следовательно, заработки практически на любом предприятии и в организациях.

* В их число не входили женщины (2,5 тыс.), не занятые в общественном производстве, но работавшие в личном подсобном хозяйстве или имевшие другие источники средств существования.

Таким образом, в 1950-х гг. государство проводило активную политику по вовлечению женщин в общественное производство, пропагандировало образ советской женщины, совмещающей широкий спектр ролей — матери, домохозяйки, труженицы и активистки, принимало меры, позволяющие женщине сочетать профессиональную деятельность и материнство. В этом наиболее ярко проявлялся этакратический характер советского гендерного порядка. Однако вовлечение женщин в общественное производство по своим темпам существенно опережало развитие сферы обслуживания, организацию детских садов и яслей, сохранялись высокая загруженность женщин домашним хозяйством, дефицит свободного времени, незначительное представительство женщин в управлении и на руководящих постах, более низкие, чем у мужчин, показатели дохода и престижа.

Библиографический список

- Архив КНЦ РАН (Архив Карельского научного центра РАН).
Бархатова С. В. Формирование интеллигенции в Карелии, 1944—1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1990. 17 с.
Здравомыслова Е., Темкина А. Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
Карельская АССР за 50 лет: статистический сборник. Петрозаводск: Статистика, Карел. отд-ние, 1967. 160 с.
Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии, 1945—1960 гг.: историко-социологические очерки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 212 с.
Колесникова О. А., Маслова Е. В. Эволюция взглядов на женский труд как отражение развития концепции гендерного равенства // Вестник Воронежского университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 34—39.
Лавриновская И. И. Трансформация занятости сельской женщины в общественном производстве в Беларуси в XX — начале XXI века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. Исторические науки. 2011. № 9. С. 82—92.
Мищенко Т. А. Ценностная мотивация женского труда в контексте советского гендерного порядка (1960—1980-е гг.) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2012. № 3 (7). С. 225—232.
НА РК (Национальный архив Республики Карелия).
Народное хозяйство Карельской АССР: статистический сборник. Петрозаводск: Карелия, 1985. 95 с.
Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800—2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
40 лет Карельской АССР: статистический сборник. Петрозаводск; М.: Госстатиздат, 1960. 112 с.
Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос ун-т, 2005. 371 с.
Черевако Е. И. Реализация государственной политики в отношении женского труда на территории Тюменской области (1940—1960-е гг.) // Академический вестник. 2010. № 2. С. 91—94.

References

- Barkhatova, S. V. (1990) *Formirovanie intelligentsii v Karelii, 1944—1960 gg.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Formation of intellectuals in Karelia, 1944—1960: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Petrozavodsk.
- Cherevako, E. I. (2010) Realizatsiia gosudarstvennoï politiki v otnoshenii zhenskogo truda na territorii Tiimenskoï oblasti (1940—1960-e gg.) [The implementation of the state policy in relation to women's work in the Tyumen region (1940—1960)], *Akademicheskii vestnik*, no. 2, pp. 91—94.
- Karel'skaia ASSR za 50 let*: Statisticheskii sbornik (1967) [Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic during 50 years: Statistical reference book], Petrozavodsk: Statistika, Karel'skoe otdelenie.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the twentieth century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Klement'ev, E. I., Kozhanov, A. A. (1988) *Sel'skaia sreda i naselenie Karelii, 1945—1960 gg.*: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki [The rural environment and the population of Karelia, 1945—1960: Historical and sociological essays], Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Kolesnikova, O. A., Maslova, E. V. (2014) Èvoliutsiia vzgliadov na zhenskii trud kak otrazhenie razvitiia kontseptsii gendernogo ravenstva [Evolution of views on women's work as a reflection of the concept of gender equality], *Vestnik Voronezhskogo universiteta*, seria Èkonomika i upravlenie, no. 4, pp. 34—39.
- Lavrinovskaia, I. I. (2011) Transformatsiia zaniatosti sel'skoï zhenshchiny v obshchestvennom proizvodstve v Belarusi v XX — nachale XXI veka [Transformation of employment of rural women in social production in Belarus in XX — beginning of XXI century], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*, seria A, Gumanitarnye nauki, Istoricheskie nauki, no. 9, pp. 82—92.
- Mishchenko, T. A. (2012) Tsenostnaia motivatsiia zhenskogo truda v kontekste sovetского gendernogo poriadka (1960—1980-e gg.) [Valuable motivation of women's work in the context of the Soviet gender order (1960—1980-s.)], *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoiashchego plus*, no. 3 (7), pp. 225—232.
- Narodnoe khoziaistvo Karel'skoï ASSR*: Statisticheskii sbornik (1985) [The national economy of the Karelian ASSR: Statistical reference book], Petrozavodsk: Kareliia.
- Pokrovskaiia, I. P. (1978) *Naselenie Karelii* [The population of Karelia], Petrozavodsk: Kareliia.
- Pushkareva, N. L. (2002) *Ruskaia zhenshchina: istoriia i sovremennost': Dva veka izucheniiia "zhenskoï temy" russkoï i zarubezhnoï naukoï, 1800—2000*: Materialy k bibliografii [Russian woman: past and present: Two centuries of study of "woman's issues" Russian and foreign science, 1800—2000: Contributions to the bibliography], Moscow: Lado-mir.
- 40 let Karel'skoï ASSR*: Statisticheskii sbornik (1960) [40 years of Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic: Statistical reference book], Petrozavodsk, Moscow: Gosstatizdat.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2007) *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: a sociological approach], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.